

УДК 82-4

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СТИХОТВОРЦЕВ
НА ПАНДЕМИЮ: ВЗГЛЯДЫ ИЗ РОССИИ,
КАЗАХСТАНА И ШВЕЙЦАРИИ**

Прошин Евгений Евгеньевич (2020), orcid.org/0000-0002-6993-4077, SPIN-код: 5576-0070, AuthorID: 41610, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), filnnov@mail.ru

Поэтическая практика всегда представляется первичной, если мы пытаемся представить себе рецептивный горизонт коллективного авторства того или иного периода. Что как не сам художественный текст может быть выражением поэтического мнения, той реакцией, которая адекватна внешнему фактору внеэстетического плана, от которого она каузально зависима? Но ситуация постклассического искусства ставит перед ним практически неразрешимый вопрос: как переизобрести саму форму эстетической реакции, которая уже много десятилетий есть реакция на принципиальную катастрофу. Если аллегорично сослаться на всем известную формулу “Можно ли писать стихи после Освенцима”, то ответ однозначен: можно, но как-то иначе, и необязательно именно стихи. Вообще, примат практики над теорией, знаменательная инверсия времен модерна, дает художнику гораздо больше паттернов символической жестовости. В акторе модерна и постмодерна мы видим скорее технологически обусловленную структуру (исходя из потребностей эпохи технической воспроизводимости), нежели квазисакральный голос-медиум, в последний раз ободряемый романтической интенциональностью. Поэтому выбор одного дискурса из набора возможностей абсолютно уместен в современной литературной ситуации и полностью сопричастен новейшей метачувствительности. Материал данной статьи связан как раз с подобной установкой. Можно идти путем наименьшего сопротивления, принуждая авторов к нормативному с позиции ожиданий поэтическому высказыванию как таковому, но гораздо интереснее и результативнее предложить задачу, расположенную в эссеистической плоскости. Она менее центрична и даже дискурсивно макаронична, отвлекая нас от художественных, стилевых сигналов и обращая к самой сути реакции поэтической личности на внешний вызов. В 2020 году вызов примерно общий для всех, и редакция журнала «Палимпсест» решила предложить поэтам из разных стран своеобразное творческое задание на тему актуальных триггеров эпохи пандемии.

Ключевые слова: автор, поэзия, текст, эссе, ковид, пандемия

Перед вами эссе трех современных поэтов, связанные с такими показательными для 2020 года словами, как «страх» и «болезнь». Пожалуй, никогда еще никакая хворь не оказывалась в центре мировой информационной повестки. Даже такие глобальные феномены, как СПИД, определялись и определяются как наиболее опасные для определенных групп. Так и пресловутый ковид первоначально маркировали то как болезнь азиатских народов, то как недуг элит, то как справедливое возмездие плохо социализированным девиантам, отправившимся на Первомайские праздники «по шашлыки». Много позднее стало понятно, что это пример некоего эгалитарного вируса, который может поразить всякого.

Но всякого ли? Не вдаваясь в медицинские подробности, только укажем, что если и существует пандемия, то прежде всего как явление информационное. В 2020 году сложилась уникальная повестка дня. Ковид стал универсальным *deus ex machina*. Им можно объяснить рост смертности, радикализацию политической ситуации в разных странах, изменения в структурах консьюмеристских потребностей и много чего ещё. Крайне расплывчатый в своей симптоматике, он как бы притягивает к себе самые разнообразные семантические поля, присваивает практически любую повестку дня. Тем не менее предложенная современным поэтам тема для рассуждения («Страх и болезнь») кажется нам максимально продуктивной.

Дело в том, что страх и болезнь не противопоставлены друг другу, как, например, жизнь или смерть. Они оба относятся к жизни, а точнее, к своеобразному императиву её экстремального ощущения. 2020 год никак не апокалипсичен, он, по нашему мнению, вызывает к тому, что бы все мы поняли ценность ощущения жизни, её вкусов и запахов, а не использовали последние лишь как метафоры для описания очередного новомодного гаджета.

Стоит оговориться, что поэтам не вменялось писать именно про актуальную ситуацию, но двое из них (Павел Банников и Лев Оборин) коснулись её напрямую, хотя и в разных ракурсах: Банников пытается отрефлексировать текстуальный «след» пандемии, удивляясь его неочевидности, а Оборин говорит скорее о препозициях современной чувствительности как возможностях для текстов. Сергей Завьялов внешне пишет из максимально общей установки, с учетом диахронического контекста, однако и у него можно обнаружить учет актуальной неопределенности, а именно амбивалентной «зыблемости» как основного регистра уже сложившейся чувствительности.

Таким образом, рассуждая на заявленную под конец года тему, поэты предлагают три разные стратегии ее осмысления, но все они реализуются под несомненным отрицательным «обаянием» пандемической повестки. Будет ли возможна такая ситуация в дальнейшем, науке, как говорится, неизвестно, но в какой-то мере 2020 год уже дал нам всем уникальный опыт, который еще только предстоит должным образом отразить. Данный материал тоже вносит свою скромную лепту в реализацию такой задачи.

Лев Оборин

Синонимия фобий как архаика современности

Поэт, переводчик, критик. Окончил Российский государственный гуманитарный университет. Публиковал стихи в журналах «Октябрь», «Воздух», «Волга», «Интерпоэзия», Poetry, International Poetry Review, газете Gazeta Wyborcza, различных антологиях и в Интернете, критические статьи в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», переводы современной поэзии и прозы, в том числе в журнале «Иностранная литература». Автор шести книг стихов. Шорт-лист премии «Дебют» (2004, 2008). Премия журнала «Знамя» (2010). Шорт-лист Милошевского переводческого конкурса (2011), вторая премия Ружевичевского переводческого конкурса (2013). Занимался переводом кино, редактор книжной серии «Культура повседневности» издательства «Новое литературное обозрение», редактор журнала «Rolling Stone». Сооснователь поэтической премии «Различие». Стихи переведены на английский, польский, немецкий и латышский языки.

Писать о страхе и болезни в разгар пандемии – вещь обыденная, предсказуемая; от «коронавирусных хроник» мутило ещё в апреле этого года. С одной стороны, надпись на кольце Соломона даёт нам исчерпывающее утешение, с другой – страх, тот самый, идущий откуда-то ниже головы, – не то явление, с которым легко торговаться, приводя стоические аргументы. Я должен признать, что нынешняя ситуация, к счастью, пока что оборачивается для меня лишь легким неудобством; к этой жизни оказалось несложно притерпеться. У кого-то не так. «У кого-то не так» – мысль, которую стоит повторять себе, в том числе и поглядывая на воображаемое кольцо. Есть страх, а есть ужас, потрясение от уже случившегося. Недавнее чтение немецкой книги об истории чашотки [Moser 2018] заставило меня испытать именно ужас: Уль-

рике Мозер показала, как представление о возвышенной болезни гениев и тонких натур сменяется в XX веке представлением о туберкулезе как отметине неполноценных, подлежащих уничтожению людей. Путь от Новалиса и «Волшебной горы» до нацистских программ умерщвления оказывается по-своему логичным, обуславливают его и драматичные социальные перемены, и психоз «вырождения»; при этом сама болезнь, с её мучительностью и неприглядностью, страданиями и смертями, как бы остаётся за кадром, за границами актуальности. Это ужас дополнительный, регистрируемый не сразу и тихо. Есть страх, а есть суеверие. Я ценю страшные тексты, стихи, от которых страшно; интонацию, которая влияет на личные триггеры страшного, создает атмосферу грозы и угрозы. Или же, напротив, нагнетает безвоздушность, заставляя читающего осознавать себя единственным живым существом в обстановке, чувствовать свою неуместность и отменимость. Вместе с тем я не хочу писать о болезни и не очень люблю о ней читать. Как очень многие, я видел болезнь – большую, неизлечимую – вблизи, у родного человека. И я далек от желания ее эстетизировать или подчеркивать ее антиэстетичность (как делал упоминаемый в книге Мозер Готфрид Бенн). Есть зоны, в которые мне не хочется заходить в письме; это одна из них. Можно назвать это робостью, консерватизмом, самосохранением. Можно – осознанием: что тебе по силам, а что нет. Можно – временным незнанием о том, что тебе доступно. Потому что мы не застрахованы ни от болезни, ни от письма о ней. Мысль об этом стирает надпись на воображаемом кольце, уводит эту надпись в глубь металла, где она будет спать, готовая к проявлению.

Павел Банников

Болдино 2021: хроники в ковиднике

Поэт, эссеист, редактор, издатель. Родился в Алма-Ате. Окончил филфак КазНПУ в 2007 году. В 2005-2006 – редактор ЛХИ «Аполлинарий». С конца 2006 года – редактор во франшизных изданиях («Men's Health», «Вокруг света» etc.). Составитель, редактор и соиздатель нескольких сборников произведений и авторских книг казахстанских писателей. Один из основателей антипериодического издания «Ышшо Одын» (2009), поэтического фестиваля «Созыв» (с 2012), литературного фестиваля «Полифония» (с 2014). Первая публикация – в журнале "Аполлинарий" в 2004 году. Также публиковался в журналах «Воздух»,

«Знамя», альманахах «Литературная Алма-Ата», «сорок.четыре», «Дом Ильи», в Интернете – на сайтах «Топос», «Кастоправда» etc. В 2008 году вошёл в шорт-лист премии «ЛитератураРентген», с 2009 – член коллегии номинаторов премии. Дважды входил в лонг-лист премии «Дебют». В 2017 году вошёл в короткий список премии «Лицей». Входит в коллегию номинаторов премии имени Аркадия Драгомощенко. Был преподавателем Открытой литературной школы Алматы (семинар поэзии).

В марте-апреле 2020 я (да и, пожалуй, каждый второй редактор и критик) пророчил появление огромного количества талантливых поэтических текстов на русском языке, так или иначе связанных с пандемийной реальностью, осмыслением болезни и смерти: событие десятилетия, кризис века должны найти своё отражение в поэзии. И даже казалось, что так и происходит – свидетельством тому стали «Стихийная антология коронатекстов», собранная поэтом из Эстонии Игорем Котюхом из всего, что публиковалось в русскоязычном сегменте Фейсбука, и ряд проектов менее охватных, но более структурированных. Но вслед за болезнью пришёл страх, за чахоточной лихорадкой – апатия, а инфодемия, обрушившаяся вслед за пандемией, привела к усталости. Ковидная осень, кажется, оказалась отнюдь не Болдинской. Грандиозные планы попросту смыло информационной волной. Тут стоит отметить, что я говорю в первую очередь о поэзии на русском языке, хотя подозреваю, что этот опыт можно в полной мере перенести на другие большие литературы.

Почему же всё произошло так, как произошло, – над этим вопросом я и хочу попытаться поразмышлять. И вижу к тому две главные предпосылки: переизбыток информации и собственно инфодемию и, кажется, окончательную победу некоторых идей трансгуманизма и примата безопасности в общественном дискурсе. Начну с инфодемии. Информационный поток вламывается в личное пространство, обходя все преграды, защититься от него возможно, лишь встав на путь цифрового луддизма, отказавшись использовать технологии и участвовать в сложившейся цепочке потребления. Но жизнь луддита выглядит малопривлекательной, да и едва ли возможной здесь и сейчас. А особенность инфопотока 2020 года в том, что большая его часть оказалась подмята темой пандемии – всё, от ежедневных новостей до конспирологических

теорий. В какой-то момент казалось, что других новостей нет, и даже протесты ВЛМ и президентские выборы в США лишь совсем немного потеснили в лентах сообщения об испытаниях вакцин и очередную волну рассылок о лечении коронавируса лимоном, чесноком и прочими кулинарными радостями. Новости победили всё, в том числе – на данный момент – поэзию.

Именно из-за инфодемии опыт радикального одиночества, каким должен был стать, по мнению ряда философов, опыт карантина (так, ученица Жака Деррида Катрин Малабу ссылается на карантинный опыт в «Исповеди» Руссо в своей заметке «От карантина до карантина. Руссо, Робинзон и я» [Малабу, 2020]), не свершился. И, пожалуй, не мог свершиться в цифровую эпоху. Болдино закрыто на карантин, но для моментальной коммуникации с Москвой достаточно заряженного смартфона и оплаченного счёта за мобильный интернет. Вместо спасительного нахождения наедине с самими собой «новые Робинзоны» и «новые Руссо» оказались не просто не одиноки в том высоком смысле, какой предлагает Малабу, но и втянуты в бесчисленное количество новых связей и ситуаций. Приятное ранее общение с близкими после работы при повсеместном переходе на «удалёнку» становится раздражающим в своей неизбежности и постоянной ненаполненности: у нас нет новостей друг для друга, кроме тех, что заполонили соцсети; мы проверяем списки заражённых и умерших по несколько раз на дню, а если не проверяем, они сами входят обновлениями в соцсетях и мессенджерах; зыбкие виртуальные каналы сетевой коммуникации, ранее воспринимавшиеся как некоторое дополнение к реальности, стали основной реальностью – в них мы сбегает, чтобы получить поддержку или просто из-за новостного зуда. Комнаты в конференциях в «Зуме» и двумерные картинки, а то и попросту чёрный фон с именем или ником заменили лица коллег по работе, студентов и собутыльников в барах. Внезапно свалившееся свободное время оказалось совершенно несвободным: его сожрал маленький шипастый лангольер-коронавирус, заразивший страхом мир. Изменилась и сама форма страха, и его объект и выражение в социальном дискурсе.

Пандемия резко выдвинула на первый план вопросы об отношении к медицине и о её роли в спасении/продлении человеческой жизни, а также вопросы об отношениях с властью и о необходимости ограничений. Агамбеновское понятие «голой жизни», пожалуй, никогда за последние десятилетия не воплощалось так явно и ярко,

уж точно – не в глобальном масштабе. Перед многими иначе встал вопрос опасности: человек человеку не просто волк, но бессимптомный переносчик, человек без маски опасен, очные встречи современных гоминид рискованны. Дискурс «тихого убийцы» скрестился с дискурсом возможности нового тоталитаризма, мы получили очередную поляризацию мнений, охватившую едва ли не всё человечество. В такой ситуации любая средняя позиция, попытка оценки становится слишком тиха: как слушать голос разума, когда ты не можешь спланировать жизнь даже на неделю вперёд? На два дня? Потеря ориентации тотальна: вправе ли вообще кто-то говорить с позиции разума и сметь хоть что-либо прогнозировать? Мы наблюдаем продолжающийся с весны массовый психоз, полярные точки которого – полное отрицание существования пандемии (с которого начинал анализировать ситуацию уже помянутый Джорджо Агамбен [Агамбен 2020]), а то и самого наличия вируса и полное принятие любых радикальных властных решений (вплоть до потенциального концлагеря для несогласных) с целью сохранения жизни/жизней.

*Новая болезнь и новый страх сконцентрировали наше внимание на предельно узкой сфере биологического выживания. На этом фоне поэту как представителю человеческого (со)общества становится небезопасно приближаться к сфере политико-биологического: из-за каждого угла ждут поляризация, профанация, что-то ещё находящееся в параллельной (на самом деле – нет, – *Doctoribus atque poetis omnia licent*) позиции к нему. Прямой – и принимающий – взгляд в лицо возможной (и неизбежной) смерти не просто не популярен, но вступает в противоречие с главенствующим (или, как минимум, самым ярким) дискурсом. Мы устали от болезни и страха, в том числе – страха быть подверженным осуждению, который сейчас вполне обоснован, поскольку совершенно случаен и может быть вызван любой репликой, а даже и в отсутствие её.*

В завершение скажу, что хочу ошибаться, как минимум, в одном пункте этого спонтанного ковидного опыта: что я, как и многие другие, просто не заметил важного в информационном цунами и тот корпус осмысленных поэтических текстов, которого ждали весной, продолжает создаваться прямо сейчас и ждёт лишь верного взгляда, ракурса, в котором этот корпус текстов и авторов проявится во всей своей полноте.

Сергей Завьялов

Об антропологии страха в 21 веке

Русский поэт и переводчик, филолог. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. В 1990–92 – преподаватель классических языков и античной литературы в Русском Христианском Гуманитарном институте, в 1992–94 – директор Высшей Греко-латинской школы. Позже преподавал древнегреческий язык и античную литературу в петербургских вузах. В 1994–2004 гг. заведовал кафедрой классической филологии в Институте иностранных языков. С 2004 г. в Хельсинки, с 2011 г. в Винтертуре (Швейцария). С 1985 опубликовал в самиздате цикл стихотворений, а также поэтические переводы (Квинт Гораций Флакк, из украинской поэзии). Печатался в журналах «Часы», «Обводной канал», «Сумерки», «Митин журнал», «Предлог», «ДиМ». Автор нескольких книг стихов, стихотворных переводов с литовского и финского. Стихи печатаются в журналах, альманахах и сборниках; некоторые из них переведены на английский, литовский и латышский языки. Публикует также эссе и критические статьи; статья «Натюрморт с атрибутами петербургской поэзии» посвящена творчеству поэтов эпохи самиздата. В 1999 стал лауреатом Всероссийского конкурса сетевой литературы «АРТ-тенета». Входил в жюри Литературной премии Андрея Белого, член редакционного совета (раньше – редколлегии) журнала «TextOnly» с момента его основания. Организатор Фестиваля поэзии Москвы и Петербурга «Genius loci» (1998). Шорт-лист Премии Андрея Белого (2002) в номинации «Поэзия». Книга «Советские кантаты» удостоена Премии Андрея Белого в 2015 году.

Человек, от своего появления как биологический вид, всегда находился, находится и до своей гибели как биологический вид будет находиться под воздействием неопределенностей: шумов, мельтешения, запахов, прикосновений.

Они явно выполняют роль защитных механизмов, чтобы не оставить человека наедине с тишиной, недвижимостью, пустотой, мраком. Эти стихии непереносимы для человеческой психики, и она инстинктивно делает всё, чтобы избавиться от них.

У защищенного такими механизмами человека есть большой соблазн чувствовать себя уникальным среди других видов по силе и могуществу и особенно торжествовать, демонстрируя различные изобретения и приспособления, от рубил до компьютеров, но вряд ли какие-нибудь наушники мощнее воздействуют на него через слух, чем рев водопада, небесный гром, ритуальный тамтам или даже

балаганный оркестр, а видеоприбор – через зрение, чем массовые человеческие жертвоприношения, гладиаторские бои или публичные казни.

Однако есть нечто, что выводит человека из-под диктата органов чувств. Это страх. Не боязнь, не тревога, а осозанный фундаментальный страх, не могущий быть разрешенным смертью. Не случайно древнегреческая философия так много работала именно с этой проблемой, ведь смерть в человеческой перспективе действительно неотличима от бессмертия: некий герой или мудрец, презрев ее как физический эксцесс, оказывался бессмертным в памяти человечества, которое само по себе мыслилось бессмертным.

Трезвее, реалистичнее и одновременно утешительнее вера в Царствие Небесное, не зависящее от перспектив материального мира, с его солнечными системами и галактиками. Однако, не испытав ее, трудно помыслить (можно только, отбросив рациональность, вообразить) ту всепобеждающую силу религиозного чувства, которую нужно постоянно и непрерывно для этого испытывать. История людей, возвысившихся до этого, – тема специального разговора, к которому нужно быть готовым, т. е. до которого самому нужно возвыситься. Нас же сейчас занимает рядовой человек – человек, на труде и социальных практиках которого базируется поддержание жизни этого вида.

Порой природа или история ввергает этого рядового человека в болезнь, способствующую страху, но чаще всего дело здесь ограничивается **всего лишь** страхом смерти. И тут кьеркегоровская «болезнь к смерти», страх окончательной «смерти после смерти» (если мы отбрасываем проблематику святости) – лишь крайняя степень того, что под смертью по привычке понимается, а именно конечность человека. Сейчас же речь не об этом. Сейчас речь о конечности человеческого вида, а человеческий вид, судя по всему, уже не раз был поставлен на грань исчезновения, что придает проблеме иную перспективу.

Конечно, защитные механизмы и в этих случаях продолжали работать: великие оледенения человек переживал, не зная, что он житель не конкретной пещеры, но абстрактной планеты, которая почему-то начала охлаждаться (как далеко это охлаждение пойдет?), великие эпидемии (как Черная Смерть XIV века) косили людей, оберегаемых и спасаемых лишь целительной ладонью непонимания происходящего и ребяческой уверенности в то, что его в

итоге «простят». Вполне реальную атомную катастрофу гнала из вполне рационального сознания полувековой давности вера в мудрых диктаторов, демократию или невидимые руки рынка.

И сегодня вряд ли смехотворное самомнение современного общества трезвее в оценке происходящего на планете, сокрушаемой потеплением и запустившимися вирусными мутациями: оно по-детски верит, что стоит ему начать «хорошо себя вести» (не ездить в автомобилях, не есть мясо, не пользоваться аэрозолями, не целовать друг друга и не пожимать друг другу руки), как его немедленно «поощрят» хорошей погодой и крепким здоровьем.

Из сказанного вытекает, что единственная проблема, адекватная ситуации катастрофы (а такова ли ситуация, сможет прояснить лишь будущее), – проблема отчаяния. Возможно ли, чтобы не религиозный подвижник, но рядовой человек соединил в себе трезвость и реализм с отсутствием отчаяния и опустошенности?

Что это: вопрос Веры или вопрос возможностей человеческой психики?

Ну и, наконец, о надежде. Что, как не анализ исторических катастроф, гибели цивилизаций и возврата к векам дикости после, казалось бы, веков «устойчивого развития»; что, как не проявленная во время этих катастроф воля к жизни и созиданию может придать сил? Самый актуальный пример: «Канцоньере» Петрарки и «Декамерон» Боккаччо, заложившие фундамент новоевропейской литературы, – порождение Черной Смерти. Ее же порождение – невиданный всплеск борьбы за человеческие права, приведший к падению крепостного права в Западной Европе.

Да, это надежда, но до известного предела – всё того же предела жизни человеческого вида.

Ребенка, отказывающегося признать бесконечность вселенной и времени, сменяет прагматик, не задающий себе «неконструктивных» вопросов (а человек иного типа не может жить и созидать), но сами вопросы от этого не снимаются.

Вряд ли можно найти на них ответы, но можно научиться с ними сосуществовать (кантовское небо над головой). Философы, в отличие от рядовых людей, на то и существуют, чтобы «различным образом объяснять мир, но дело, как известно, заключается в том, чтобы его изменить», то есть **принять** его таким, каков он **есть**: необъяснимым, страшным и больным.

Литература

Агамбен 2020 – Agamben Giorgio. *Clarifications*. URL: <https://itself.blog/2020/03/17/giorgio-agamben-clarifications/> (дата обращения 29.11.2020)

Малабу 2020 – Малабу Катрин. *От карантина до карантина: Руссо, Робинзон Крузо и "Я"*. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ot-karantina-do-karantina-russo-robinzon-kruzo-i-ja> (дата обращения 29.11.2020)

Moser 2018 – Moser U. *Schwindsucht. Eine andere deutsche Gesellschaftsgeschichte*. Berlin, 2018.

POETIC INTERPRETATIONS OF THE PANDEMIC BY POETS FROM RUSSIA, KAZAKHSTAN, AND SWITZERLAND

© **Proschin Evgeny Evgenievich** (2020), SPIN-code: 5576-0070, ORCID: 0000-0002-6993-4077, PhD in Philology, associate professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (37, Bolschaja Pokrovskaja street, Nizhny Novgorod, Russia, 603000), filnnov@mail.ru

Poetic practice always seems to occupy a primary position when we try to picture the receptive horizon of the collective authorship of a particular period. What else if not the artistic text itself can be the expression of poetic opinion, the reaction that is relevant to the external factor of an extra-aesthetic plane, on which it is causally dependent? But the postclassical art poses an almost insoluble question: how to reinvent the very form of aesthetic reaction, which for many decades has been a reaction to a catastrophe of principle. If we alluded to the well-known formula "Is it possible to write poetry after Auschwitz?", then the answer is unequivocal: it is possible, but in a different way, and not necessarily in the form of poetry. In general, the primacy of practice over theory, a significant inversion of the times of modernity, gives the artist much more patterns of symbolic gestures. The modern and postmodern actor is seen as a technologically conditioned structure (based on the needs of the era of technical reproducibility) rather than a quasi-sacral voice-medium, lastly emboldened by romantic intensity. The choice of one discourse from a set of possibilities is therefore entirely appropriate to the contemporary literary situation and fully in tune with the latest meta-sensibility. The material in this article is related to this exact pattern. It is possible to take the path of least resistance, forcing authors into a poetic utterance that is normative in terms of expectations, but it is much more interesting and productive to propose a task in the essayistic plane. It is less centrist and even discursively macaronic, distracting us from artistic, stylistic signals and turning to the very essence of the poetic individual's response to an external challenge. In 2020, the challenge is roughly common to all, and the editors of *Palimpsest* decided to offer poets from different countries a kind of creative task on the theme of current triggers of the pandemic era.

Keywords: author, poetry, text, essay, covid, pandemic

References

(Articles)

Агамбен 2020 – Agamben Giorgio. *Clarifications*. Available at: <https://itself.blog/2020/03/17/giorgio-agamben-clarifications/> (accessed 29.11.2020). (In English).

Малабу 2020 – Malabu Katrin. *Ot karantina do karantina: Russo, Robinzon Kruzo i "Ya"* [From quarantine to quarantine: Russo, Robinson Crusoe and "I"]. Available at: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ot-karantina-do-karantina-russo-robinzon-kruzo-i-ja> (accessed 29.11.2020). (In Russian).

(Monographs)

Moser 2018 – Moser U. *Schwindsucht. Eine andere deutsche Gesellschaftsgeschichte* [Consumption. Another German social history]. Berlin, 2018. (In German).

Поступила в редакцию 29.11.2020